

АЛЕКСЕЙ НИКОЛАЕВИЧ ЛЕОНТЬЕВ

КОММЕНТАРИИ К БИОГРАФИИ (1903 – 1979)

Алексей Николаевич Леонтьев широко известен как признанный формальный и неформальный лидер советской психологии 40–70-х гг. Его заслуги перед отечественной психологической наукой велики и разносторонни. В Московском университете он создал сначала отделение психологии на философском факультете, а затем и факультет психологии, которым руководил в течение многих лет, был одним из руководителей Академии педагогических наук РСФСР и СССР в не самые худшие ее времена (в частности, ее вице-президентом), написал немало научных работ, в том числе несколько книг, каждая из которых была переведена на десятки иностранных языков, а одна из них, «Проблемы развития психики», через 4 года после выхода в свет была отмечена Ленинской премией. Почти все московские, по крайней мере университетские психологи среднего и старшего поколения – прямые его ученики и сотрудники.

Официальная биография А.Н. Леонтьева во многом создавалась авторами этой статьи – не просто близкими ему людьми (один из нас его сын, другой – внук), но и коллегами по науке. И когда вскоре после его кончины, в начале 80-х гг., готовился сборник его памяти, один из нас написал к нему вводную статью¹. Она выглядит «причесанной». В ней нет неправды – просто о многом не сказано.

Настало, наверное, время рассказать биографию Алексея Николаевича такой, какой она была на самом деле, хотя бы настолько, насколько это возможно в одной статье. Ту, официальную биографию нельзя назвать неверной, но некоторые различия все-таки есть. Поэтому мы решили написать эту статью в виде комментариев к официальной биографии, опубликованной в 1983 году.

«Он закончил в 1924 г. факультет общественных наук Московского университета...»

На самом деле он не кончил Московского университета. Его выгнали, и он сдавал экзамены экстерном. Есть две версии о причине, по которой его выгнали. Более интересная: будучи студентом, он заполнял в 1923 г. какую-то анкету и на вопрос «Как Вы относитесь к Советской власти?», якобы, ответил: «Считаю исторически необходимой». Так рассказывал он сам своему сыну. Во всяком случае, это на него похоже. Вторая версия: весьма нелюбимому лектору по истории философии А.Н. прилюдно задал вопрос, как надо относиться к буржуазному философу Уоллесу, биологизатору и вообще антимарксисту. Не очень образованный лектор, испугавшись, что его поймут на незнании имени такого философа, долго

¹ Леонтьев А.А. Творческий путь Алексея Николаевича Леонтьева // А.Н. Леонтьев и современная психология. Сб. ст. памяти А.Н. Леонтьева. М.: Изд-во МГУ, 1983.

и убедительно разъяснял затаившей дух аудитории ошибки этого буржуазного философа, естественно, выдуманного студентами накануне лекции. Эта версия тоже восходит к устным мемуарам А.Н. Леонтьева.

Леонтьев слушал в университете лекции самых разных ученых. Среди них был Густав Густавович Шпет, филолог-античник П.С. Преображенский, историки М.Н. Покровский и Д.М. Петрушевский, историк социализма В.П. Волгин. В Коммунистической аудитории МГУ тогда впервые читал курс исторического материализма Николай Иванович Бухарин. Как-то Алексей Николаевич слушал в Коммунистическом университете лекции Сталина по национальному вопросу, о которых, впрочем, через полвека отозвался более чем сдержанно.

«Своим обращением к психологии Алексей Николаевич был обязан Г.И. Челпанову... По инициативе Г.И. Челпанова Алексеем Николаевичем были написаны первые его научные работы — реферат «Учение Джемса о идеомоторных актах» (он сохранился) и несохранившаяся работа о Спенсере.»

Почему он стал психологом? Сначала его привлекала философия — была потребность мировоззренчески осмыслить все происходившее в стране на его глазах. Так, по крайней мере, вспоминал он сам. А потом, уже поступив в университет, он — не без влияния Челпанова — переключился на психологию. Ему повезло: он попал в Психологический институт, где даже после ухода Челпанова продолжали работать первоклассные ученые — Н.А. Бернштейн, М.А. Рейснер, П.П. Блонский, из молодежи — А.Р. Лурия и, с 1924 г., Л.С. Выготский. Когда Челпанова выгнали из директоров Психологического института и на его место назначили одного из его учеников, ярого, хотя и философски малограмотного марксиста К.Н. Корнилова, то (это тоже не значится в официальной биографии) к Челпанову пришел молодой взволнованный Алек-

сей Николаевич и сказал: «Я не хочу Вас бросать, Георгий Иванович, я буду с Вами продолжать работать». На что умный и человечный Челпанов сказал: «Не смейте этого делать! Вам еще жить. Я Вас отпускаю. Не думайте, что Вы несете передо мной моральные обязательства». Алексей Николаевич, поколебавшись, все-таки пошел дальше работать к Выготскому.

Есть хрестоматийная версия: пришли к Выготскому молодые психологи Лурия и Леонтьев, и началась школа Выготского. На самом деле пришли к Лурии молодые психологи Выготский и Леонтьев. Первое время возглавлял этот кружок именно Лурия, старший по должности в Институте, уже известный психолог, имевший к тому времени несколько опубликованных книг, бывший даже ученым секретарем Института. Лишь потом произошла перегруппировка, и лидером стал Выготский. Самые первые публикации А.Н. Леонтьева были в русле исследований А.Р. Лурии, под его руководством и с ним в соавторстве — по аффектам, сопряженной моторной методике и т. п. Лишь после нескольких работ такого плана начинаются работы в культурно-исторической парадигме Выготского (первая его публикация на эту тему датирована 1929 г.).

«В 1930 г. обстоятельства сложились так, что Алексей Николаевич был вынужден уйти как из АКВ, так и из ВГИКа. Примерно в то же время Наркомздрав Украины решил организовать в Украинском психоневрологическом институте, а позже, в 1932 г., во Всеукраинской психоневрологической академии (она помещалась в Харькове, который был тогда столицей республики) сектор психологии. Пост заведующего сектором был предложен А.Р. Лурии, пост заведующего отделом детской и генетической психологии — А.Н. Леонтьеву. Однако А.Р. Лурия вскоре вернулся в Москву и практически всю работу вел Алексей Николаевич.»

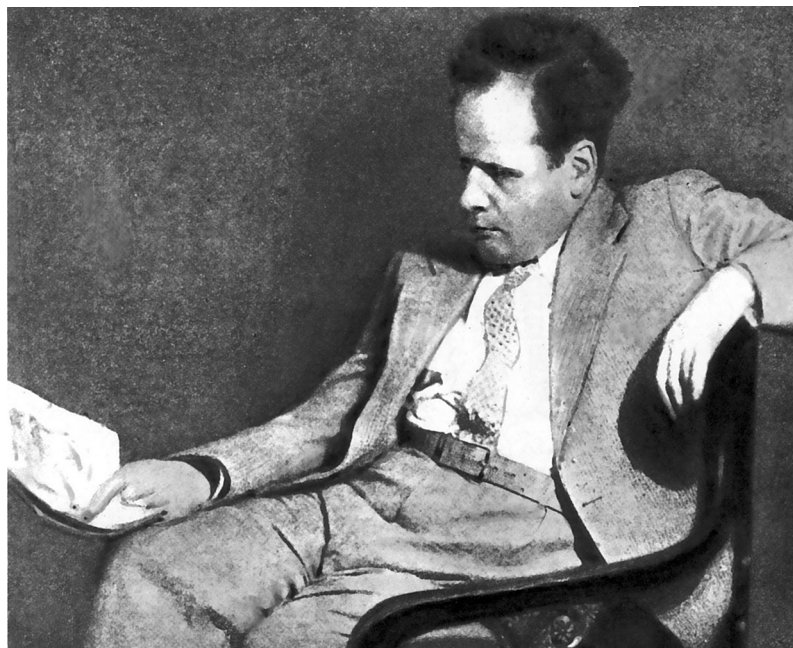

С.М. Эйзенштейн

Одним из факторов, которые привели Леонтьева в Харьков, явилось то, что к концу 20-х гг. позакрывали все лаборатории, где он мог работать. Работать ему было негде. И приглашение из Харькова, от украинского наркомата здравоохранения, просто решало его жизненные проблемы. Зато в Харькове он возглавил одновременно кафедру психологии в пединституте, отдел психологии в НИИ педагогики и сектор психологии в Психоневрологической академии. Возникла знаменитая Харьковская школа — ответвление психологической школы Выготского. Работали много, печатали очень мало. Только сейчас делается попытка собрать воедино все работы «харьковчан».

«Впрочем, постоянно он находился в Харькове только до 1934 г., а затем получил заведование лабораторией генетической психологии Всесоюзного института экспериментальной медицины (ВИЭМ).... Однако это продлилось недолго. В 1936 г. Алексей Николаевич перестает работать в ВИЭМе...»

Весной 1934 г., незадолго до смерти, Выготский сделал несколько шагов к тому, чтобы собрать всех своих учеников — московских, харьковских и других — в одной лаборатории в ВИЭМе. Сам Выготский уже, естественно, не смог ее возглавить (он умер в начале лета 1934), и руководителем лаборатории стал Леонтьев, покинув ради этого Харьков. Но он продержался там недолго. Он сделал доклад на Ученом совете этого института о психологическом исследовании речи², был обвинен во всех возможных методологических грехах (дело дошло до горкома партии!), после чего лаборатория была закрыта, а Алексея Николаевича из ВИЭМа выгнали. Он опять остался без работы. Сотрудничал в небольшом научно-исследовательском институте при ВКИП — Высшем ком-

мунистическом институте просвещения, занимался психологией восприятия искусства в ГИТИСе и во ВГИКе, где постоянно общался с С.М. Эйзенштейном (они были знакомы и раньше, с конца 20-х гг., когда А.Н. Леонтьев преподавал во ВГИКе, пока последний не был объявлен гнездом идеалистов и троцкистов с понятными последствиями).

В июле 1936 г. грянуло знаменитое постановление ЦК ВКП /б/ «О педологических извращениях в системе наркомпросов». Это постановление означало полный разгром детской и педагогической психологии и «достойно» венчало серию постановлений ЦК начала 30-х гг., повернувших вспять советскую школу, отменивших все инновации и эксперименты и сделавших былую демократическую школу авторитарной и милитаризованной. Особенно досталось идеологам демократической школы — Л.С. Выготскому и П.П. Блонскому, Выготскому, правда, уже посмертно. И некоторые из тех, кто раньше

² См.: Леонтьев А.Н. Избранные психологические произведения. М., 1983. Т. 1.

ГИТИС

объявлял себя учениками Выготского, начали с не меньшим энтузиазмом публично осуждать его и свои ошибки. Алексей Николаевич вспоминал об одном таком случае.

Проводится собрание педагогов (кстати, на такие собрания тогда приглашали повестками — не прийти было невозможно). Леонтьев почему-то оказывается в многолюдном президиуме. Рядом с ним пустое место. Перед самым началом входит и под приветственный шум зала садится на это место член ЦИК СССР, старый большевик Г.И. Ломов-Оппоков. С другого бока Леонтьева сидит какой-то деятель ЦК. В программе — выступление довольно известного ученого, когда-то бывшего сотрудником Выготского, затем от него отошедшего и вспомнившего о своем ученичестве

лишь в дни похорон Выготского, когда он беззастенчиво оттер и Лурию, и Леонтьева от участия в траурной церемонии. Этот человек громит Выготского за его идеалистические и антимарксистские взгляды и одновременно кается в том, что вовремя их не вскрыл и не разоблачил. Ломов берет листок, что-то пишет и передает записку через Леонтьева его соседу с другой стороны — но так, чтобы Леонтьев смог ее прочесть. В записке, к вящему удивлению Алексея Николаевича, стояло: «Ну и стерва же этот оратор!». После чего Ломов берет слово и хвалит предыдущего оратора как образец самокритики...

Так вот, ни Леонтьев, ни Лурия, ни другие подлинные ученики Выготского, как на них ни давили, не сказали ни одного дурного слова о

Выготском ни публично, ни в печати. И не колотили себя в грудь, не признавались в методологических ошибках и политической близорукости. Вообще они никогда не меняли своих взглядов, что бы ни происходило. Как ни странно, все они тем не менее уцелели. Но ВКИП был закрыт, и Леонтьев опять остался без работы, и к тому же под подозрением. В январе 1937 г. вышла брошюра Евы Израилевны Рудневой «О педологических извращениях Л.С. Выготского». Там было, в частности, сказано: «Критика педологических извращений Л.С. Выготского остается актуальной, потому что некоторые из его учеников (Леонтьев, Лурия, Шиф и др.) еще не разоружились». Нет необходимости говорить, что это означало в 1937 году. Интересно, что послед-

ние десятилетия своей жизни (60–80-е гг.) Руднева работала профессором на кафедре педагогической психологии факультета психологии МГУ, возглавляемого Леонтьевым, причем практически никто из психологов более младших поколений не знал о существовании этой книжки! Вообще Алексей Николаевич не то что не помнил зла, но не давал личной неприязни и чувству мести сказываться на деловых и научных отношениях. С тем же оратором 1936 года он немало общался в послевоенные годы, даже встречался с ним на даче.

Как раз в это время директором Института психологии вновь стал Корнилов, и он взял Алексея Николаевича на работу. Конечно, ни о каких методологических вопросах речи не могло быть: Леонтьев занимался темами сугубо конкретными: восприятием рисунка (продолжение исследований Харьковской школы) и фоточувствительностью кожи.

В институте он все-таки остался, несмотря на это, но постарался исчезнуть из поля зрения властей. У него было приглашение из Ленинграда в педагогический институт им. Крупской, и он, как это делал в аналогичной ситуации в начале 30-х гг. Выготский, стал ездить туда на десять дней каждый месяц, возвращаясь потом обратно в Москву. Таким образом, он не был на виду.

«Одно из важнейших направлений работы Алексея Николаевича в конце 30-х годов, прежде всего и отразившееся в его диссертации, — это генезис чувствительности и периодизация психического развития животных».

Докторская диссертация А.Н. Леонтьева на тему «Развитие психики» представляла собой грандиозный проект. Было написано два объемистых тома, третий том, посвященный онтогенезу психики, был подготовлен частями, некоторые материалы к нему сохранились. Но Б.М. Теплов убедил Алексея Николаевича, что для защиты достаточно и того, что есть. В 1940 г. диссертация в двух томах была защищена. Первый ее том состав-

ляло теоретическое и экспериментальное исследование возникновения чувствительности, которое практически без изменений вошло во все издания книги «Проблемы развития психики». Самое интересное, что, как сегодня отчетливо видно, это парапсихологическое исследование, посвященное обучению воспринимать свет руками, т. е. помимо органов чувств! Конечно, Алексей Николаевич подавал это исследование иначе, наводя материалистический лоск и говоря о перерождении определенных клеток в эпидермисе ладоней, но это квазифизиологическое истолкование четко доказанных им фактов развития способности воспринимать световые сигналы пальцами ничуть не более убедительно, чем допущение экстрасенсорной природы этого восприятия. Второй том был посвящен развитию психики в животном мире. В «Проблемы развития психики» вошли сравнительно небольшие фрагменты этой части диссертации, а наиболее интересные фрагменты, оставшиеся за рамками хрестоматийных текстов, были опубликованы посмертно в сборнике научного наследия А.Н. Леонтьева «Философия психологии» (М., 1994).

Через много лет А.Н. Леонтьев в соавторстве с Б.Ф. Ломовым, В.П. Зинченко и А.Р. Лурией опубликовал статью «Парапсихология: фикция или реальность?»³, тут же переведенную на английский, немецкий, французский, итальянский, словацкий и японский языки. На поставленный в заголовке статьи вопрос давался достаточно уклончивый ответ — так сказать, черт его знает, реальность или нет, пока что у нас нет оснований для окончательного суждения...

Еще одна работа, которая относится примерно к этому же периоду (1938—42 гг.) — это его «Методологические тетради», заметки для себя, которые в довольно полном виде также вошли в книгу «Философия психологии». Они обо всем

на свете. Самое интересное, что очень многие вещи, которые в них прописаны на уровне идей или тезисов, причем довольно подробно, были впервые обнародованы спустя 20—30 лет или не обнародованы вовсе. Например, первая публикация Алексея Николаевича по проблемам личности относится к 1968 г. В законченном виде его взгляды на личность, образовавшие последнюю главу книги «Деятельность. Сознание. Личность», опубликованы в 1974 и 1975 г. Но практически все, что вошло в эту главу, было развернуто, прописано и обосновано в «Методологических тетрадях» около 1940 г., т. е. практически одновременно с выходом первых западных обобщающих монографий по проблеме личности К. Левина (1935), Г. Олпорта (1937), Г. Мюррея (1938). У нас, однако, проблему личности в этом ключе — через понятие смысла — поднимать было невозможно. Понятие «личность» встречается в книгах ряда психологов — Рубинштейна, Ананьева и других — с конца 40-х гг. в единственном значении — как обозначающее социально-типичное в человеке («совокупность общественных отношений»), в отличие от характера, выражающего индивидуально-своеобразное. Если немного обернуть эту формулу, учитывая социальный контекст, обнажается идеологическая подоплека такого понимания: индивидуально-своеобразное в человеке допустимо только на уровне характера, на уровне же личности все советские люди обязаны быть социально-типичными. Всерьез говорить о личности тогда было невозможно, и именно поэтому теория личности Алексея Николаевича выдерживалась тридцать лет.

«В начале июля 1941 г., как и многие другие московские ученые, А.Н. Леонтьев вступает в ряды народного ополчения. Однако уже в сентябре Генеральный штаб отзывает его... для выполнения специальных оборонных заданий.»

³ Вопросы философии. 1973. № 3.

Вместе с другими тремя психологами — Б.М. Тепловым, К.Х. Кекчеевым и А.И. Богословским — Алексей Николаевич попал в одну из ополченческих дивизий, которая стояла на дальних подступах к Москве. Вместе с Кекчеевым и Тепловым он был прикомандирован к штабу, а Богословский был где-то в первом эшелоне. В один прекрасный вечер на «виллисе» приехал фельдъегерь из Генерального штаба с предписанием немедленно откомандировать всех четырех психологов в Генштаб для выполнения секретных работ — по ночному видению и т.п. Трех, которые были при штабе, немедленно посадили в «виллис» и увезли, а Богословского решили отправить утром. Ночью немецкая танковая армия прорвала оборону, и ополченческая дивизия была просто стерта с лица земли. Богословский остался жив. Он попал в плен, всю войну промыкался по немецким лагерям, а после войны, естественно, по советским, и только где-то в начале 50-х гг. опять всплыл как психолог, но его карьера была, понятно, уже сломана. Остальных трех психологов, в том числе Алексея Николаевича, отделяло от судьбы Богословского буквально несколько часов.

В самом конце 1941 г. происходила эвакуация университета, включая Институт психологии, в Ашхабад, где Алексей Николаевич продолжал заниматься закрытыми темами. Когда выяснилось, что москвичи жить в Ашхабаде не могут, потому что они начинают болеть там всеми мыслимыми болезнями, решением правительства весь университет перебазировали в Свердловск. Под Свердловском, в Кисегаче и Кауровке были образованы два экспериментальных госпиталя. Первый возглавил Лурия, а второй — Алексей Николаевич в качестве научного руководителя. Там работали А.В. Запорожец, П.Я. Гальперин, С.Я. Рубинштейн и другие. Это был реабилитационный госпиталь, который занимался восстановлением движений после ранения. На этом материале была блестяще продемонстрирована не только практическая плодотворность теории деятельности, но и абсолютная адекватность и плодотворность физио-

логической теории Н.А. Бернштейна, который через несколько лет, в конце 40-х гг., был вообще отлучен от науки, и неизвестно, что с ним вообще было бы, если бы Алексей Николаевич не взял его к себе сотрудником на отделение психологии. Практическим результатом работы экспериментальных госпиталей было то, что время возвращения раненых в строй сокращалось в несколько раз за счет использования техник, разработанных на базе деятельностного подхода и на базе теории Бернштейна.

«В 1948 г. А.Н. Леонтьев стал членом Коммунистической партии... При создании АПН РСФСР Алексей Николаевич стал ее членом-корреспондентом, а затем действительным членом. В описываемый период, в начале 50-х годов, он был академиком-секретарем, потом — вице-президентом Академии».

Что такое 40-е гг. в науке, — известно. Чем они были для А.Н. Леонтьева, знают немногие. После войны, уже будучи доктором наук и завлабом в Институте психологии, он опубликовал на основе своей диссертации небольшую книжку «Очерк развития психики». Тут же, в 1948 г., вышла разгромная рецензия на нее, и осенью была организована «дискуссия». В ней выступили многие ныне широко известные психологи, обвиняя автора книги в идеализме. Но соратники Леонтьева, да и вообще многие порядочные люди, встали на его защиту, и дискуссия для него последствий не имела. Более того — его приняли в партию. Едва ли он это сделал по соображениям карьеры — скорее, это был акт самосохранения. Но факт остается фактом. Нельзя забывать и того, что Алексей Николаевич, как и его учитель Выготский, был убежденным марксистом, хотя и отнюдь не ортодоксальным — его особенно привлекали ранние работы Маркса, в частности, «Экономическо-философские рукописи 1844 г.». Членство в партии, конечно, способствовало тому, что с начала 50-х гг. Леонтьев становится академиком-секретарем Отделения психологии АПН,

В этом здании находился президиум
Академии педагогических наук

затем академиком-секретарем всей Академии, затем ее вице-президентом. А значит, входит в «номенклатуру». В те годы старший из авторов был уже старшеклассником и студентом, но он не помнит никаких особых привилегий, которыми пользовался Алексей Николаевич, если не считать возможности заказывать дефицитные книги в специальной книжной экспедиции на Беговой...

В 1949 г. Алексей Николаевич в очередной раз удостоился критики в прессе. Под статьей в официозе «Культура и жизнь» стояла скромная подпись: Ю. Жданов. Это был сын недоброй памяти А.А. Жданова, муж (или к тому времени уже бывший муж) Светланы Аллилуевой, а главное, заведующий Отделом науки ЦК. Леонтьев был обвинен в субъективном идеализме, в одной компании со знаменитым физиологом Иваном Соломоновичем Бериташвили. Никакой реакции Леонтьева не последовало.

Однажды в Академии общественных наук Алексей Николаевич встретил Жданова. Жданов говорит: «Алексей Николаевич, пора бы покаяться в Ваших методологических ошибках». Алексей Николаевич отвечает: «Простите, Юрий Андреевич, не вижу, зачем мне каяться. Если я буду каяться, значит, я действительно идеалист. Если я напишу, что с критикой не согласен — все равно будет плохо. Если ни то, ни другое — появится статья, что я недостаточно самокритичен. Так лучше уж я не буду каяться». «Ну, приходите ко мне, поговорим». Приходит Алексей Николаевич в кабинет Ю.А. Жданова, тот его продолжает убеждать признать свои ошибки. Алексей Николаевич упирается. Жданов говорит ему: «Берите пример с меня, я тоже совершил некоторые ошибки (как известно, он печатно разругал Лысенко, после чего вынужден был в этой своей ошибке каяться), покаялся, и все в порядке». Алексей

Николаевич ответил: простите, а Вы не думали, может быть на самом деле эта Ваша ошибка ошибкой и не была? Может быть, Вам потом опять придется каяться в том, что Вы каялись в этой ошибке?»

Последовал взрыв, и Леонтьев ни живой, ни мертвый отправился домой, как говорится, сушить сухари. Однако никаких оргвыводов не последовало, на этот раз он даже не был уволен. Автор хорошо помнит, как в эти страшные недели родители старались мягко подготовить его к возможному допросу на Лубянке и просили не упоминать некоторых имен и тем разговоров. Пронесло. Момент был достаточно опасный, но А.Н. Леонтьев так и не покаялся.

К 1949 г. относится и знаменитая история с С.Л. Рубинштейном, о которой мы писали в «Психологическом журнале» (1984. № 4). Некоторые журнальные публикации, посвященные истории увольнения из МГУ С.Л. Рубинштейна, создавали следующую ложную модель: руками П.Я. Гальперина А.Н. Леонтьев, используя кампанию против космополитов, спихнул Рубинштейна с поста заведующего кафедрой, чтобы занять его место. Не будем тратить время на разбор всех натяжек, с помощью которых создавалась эта версия, поскольку совсем недавно были обнаружены новые документы, из которых явствует, что решение об увольнении Рубинштейна было спущено в партбюро из вышестоящих партийных инстанций, и участники обсуждения лишь выполняли это решение, не имея права ни обсуждать его, ни даже заикнуться о его существовании.

В это время психология в СССР чуть-чуть не разделила судьбу генетики и кибернетики. После знаменитой «павловской» сессии трех академий (АН, АПН и АМН), в результате которой от науки были отлучены и потеряли работу не только «инакомыслящие» вроде Н.А. Бернштейна, но и не вполне ортодоксальные ученики самого Павлова, например, Леон Абгарович Орбели, в «инстанциях» всерьез обсуждался проект «закрытия» психологии как науки и замены ее павловской физиологией.

И кто знает, что могло бы произойти, если бы не самоотверженная борьба «номенклатурщика» Леонтьева за спасение психологической науки. Так ее и не решились «закрыть».

«Новый взлет творчества А.Н. Леонтьева начинается в середине 50-х годов.»

В 1955 г. начинает выходить журнал «Вопросы психологии». В эти годы Леонтьев много публикуется, а в 1959 г. выходит первым изданием «Проблемы развития психики». Если судить по количеству публикаций, конец 50-х — начало 60-х гг. — самый продуктивный для него период. Тогда же открывается новая проблематика — когнитивная. Сейчас мы имеем инженерную психологию, урожденную психотехнику, которая была разгромлена в 1937 г. и восстановлена благодаря организационным усилиям Алексея Николаевича, социальную психологию, космическую психологию — все это во многом его заслуга. В конце 50-х гг. к нему пришли люди, запершись с ним, и, как он рассказывал много лет спустя, задали ему два вопроса как психологу: «1. Сможет ли человек приспособиться к физическим условиям космического пространства?», 2. Не будет ли во время нахождения человека в космосе опасных нарушений восприятия окружающего мира?» На оба вопроса он ответил утвердительно: сможет, не будет. И оказался прав. Конечно, много неизвестного, много нового, но человек — машина весьма адаптивная. Мы с ним как-то говорили о том, что человек сам создал кинематограф и сам же создал механизмы его восприятия! Он воспринимает то, чего никогда не было в окружающей его действительности! Но ведь приспособился, как будто с глубокой древности смотрел кино.

С 1954 г. началось восстановление международных связей советских психологов. Впервые после длительного перерыва в очередном Международном психологическом конгрессе в Монреале приняла участие довольно представительная делегация советских психологов. В нее

входили Леонтьев, Теплов, Запорожец, Асратян, Соколов и Костюк. Начиная с этого времени, Леонтьев много сил и времени уделяет международным связям. Наиболее тесные контакты были у него с Францией и вообще с франкоязычными психологами. Есть несколько причин этому. Во-первых, у него была общность проблематики и близость подхода с целым рядом крупных французских и франкоязычных психологов, в том числе Ж. Пиаже, А. Пьероном, А. Валлоном, Р. Заззо, Ж. Нюттенем. Во-вторых, он в совершенстве владел французским. Долгое время он являлся одним из сопresidentов общества «СССР-Франция». Много лет был членом исполкома ассоциации Международного союза научной психологии, естественно, принадлежал к категории «выездных» людей и в 60-е гг. часто принимал участие в различных международных конференциях. Кульминацией этой деятельности явился организованный им в 1966 г. Международный психологический конгресс в Москве, президентом которого он был.

А.Н. Леонтьев объехал всю Европу, бывал в США и Канаде. Сохранились многочисленные толстые альбомы, в которые он вклеивал для отдыха фотографии, открытки и т.д., сопровождая их развернутым комментарием — своего рода иллюстрированные дневники его зарубежных поездок. Хотя, конечно, в этих дневниках фиксировалось далеко не все, что он рассказывал. Например, там не говорится о почти детективных историях, сопровождавших пребывание советской делегации в Монреале в 1954 г.

«С 1966 г... и до последнего дня своей жизни А.Н. Леонтьев был бессменным деканом и заведующим кафедрой общей психологии. В сущности, факультет создан им, и... нельзя не признать, что именно Алексей Николаевич определил его научное «лицо».

Середина 60-х — это перелом в социальном положении психологов вообще. Во-первых,

ВАК вводит квалификацию «Психолог», степени по психологическим наукам. В архиве А.Н. Леонтьева хранится автореферат одной защищенной в начале 60-х гг. диссертации, посвященной некоторым особенностям поведения медоносной пчелы, на соискание степени кандидата педагогических наук (по психологии). Этот автореферат входил в число аргументов, с помощью которых он пробивал психологическую специализацию. К тому же периоду относится создание первых факультетов психологии в Московском и Ленинградском университетах и «размораживание» некоторых ранее запрещенных областей психологии, таких как психология личности, психодиагностика и уже упомянутая социальная психология. Эти положительные перемены продолжали развиваться и в последующие десятилетия.

А.Н. Леонтьев занимал весьма серьезные посты и, казалось бы, при взгляде со стороны есть все основания говорить о нем как о чиновнике советской системы, работнике идеологического фронта, создающем идеологические основы психологии. Действительно, у него в статьях, докладах и разных текстах много и дежурных ссылок, и цитат, все, что полагается. Но могло ли быть иначе?!

Вот одна легенда из жизни декана факультета психологии. Август месяц, очередной прием на факультет психологии МГУ. Конкурс большой, как всегда. Экзамены сданы, баллы подсчитаны, приказа о зачислении еще нет. На прием к декану приходит генерал — серьезный, крупный генерал. «Чем могу быть полезен?» — спрашивает декан генерала. Выясняется, что дочка генерала поступала на факультет, но вроде бы не совсем поступила. Декан вызывает секретаршу со списками; выясняется, что дочка генерала недобрала до проходного балла всего полбалла и вместе с пятью другими студентами, набравшими столько же, осталась за чертой. «Что можно сделать, чтобы ее все-таки зачислить на факультет?» — спрашивает генерал. «Понимаете, — говорит ему декан, — здесь шесть человек, в том числе Ваша дочь, в одинаковом положении.

А.Н. Леонтьев с руководством «Общества СССР — Франция». Справа — Леруа, слева — Блюмель

Если я своим приказом — а такие полномочия в принципе у меня есть — включу ее в списки зачисленных, исключив кого-то другого, то остальные пятеро, и тем более невинно пострадавший будут иметь все основания обвинять меня в том, что я оказал ей определенные привилегии из-за того, что она дочь генерала. На меня начнут писать жалобы, да и Вашей дочери тоже будет весьма неуютно. Я ограничен в моих действиях планом приема, который мне спускают сверху, и не вправе принять ни одного человека сверх этой цифры. Вот если бы план приема мне был увеличен на шесть мест, тогда бы мы спокойно зачислили всех шестерых, и никаких проблем бы больше не возникало». — «Так в чем же дело!» — восклицает генерал. На следующее утро приходит приказ из ректората об увеличении плана приема на шесть мест.

Многие люди, работавшие с ним, говорят о том, что он был в определенном смысле выдающимся администратором. Он умел вести административные игры, хотя это отнимало у него массу времени и сил и очень снижало его научную продуктивность, особенно в последние два десятилетия. Но нельзя сказать, что это было для него совсем уж тяжелой обузой, потому что он в этом находил определенное удовольствие. Он играл в эти игры с увлечением и часто выигрывал, в том числе у тех, кто находился на гораздо более высоких этажах социальной иерархии. Он был идеологическим знаменем факультета, да и, пожалуй, всей советской психологии, но самое интересное, что кроме него, практически ни у одного сотрудника факультета в работах дежурных идеологических ссылок практически нет. Он полностью брал на себя

урегулирование отношений с властью, идеологией и т.п., а весь факультет спокойно работал. Идеолог, у которого никто идеологию не блюдет! Он выполнял роль своеобразного барьера между идеологией и наукой, волнолома, за которым гавань всегда оставалась тихой. Более того, можно сказать, что граница между идеологией и наукой проходила через него. Ему это, конечно, мешало, но если считать продуктивность не только по числу публикаций, но учитывать и организационные инновации, работу учеников и т.д., одно другого стоит. Он говорил: «С порядочными, умными и талантливыми людьми любой дурак работать сможет, а вы работайте с теми, какие есть», — и брал на себя эту неблагодарную работу.

Он никогда не занимался передачей и воплощением начальственных указаний. Зато он постоянно беребил начальство, добиваясь принятия компетентных и полезных для психологии решений. И его авторитет у власти был настолько высок, что ему удавалось практически все, чего он старался добиться. Его упрекали (задним числом, разумеется) в авторитарности, волюнтаризме, чуть ли не в сталинизме, обзывали «Лысенко в психологии». Но он не принимал ни одного ответственного решения, не посоветовавшись предварительно со своими товарищами еще по совместной работе с Выготским: практически все эти решения принимались совместно. Мы уже упоминали, что среди людей, с которыми он работал, были и его — в прошлом — злейшие враги, и он не позволял себе делать какого-либо различия между ними и своими друзьями и учениками, если речь шла о работе, о науке. Он мог быть и был жестким и непримиримым, когда ситуация того требовала. Но чаще он был мягким, внимательным и человечным. Он одинаково общался с академиком и студентом, секретарем ЦК и факультетской буфетчицей. Он всегда здоровался первым. На домашнем банкете, который он устроил в честь своего пятидесятилетия, рядом с докторами и профессорами сидели студенты: Зинченко, Давыдов, Гиппенрейтер, кажется,

Овчинникова. А с Лысенко, агрессивным невеждой, плодившим вокруг себя себе подобных, физически уничтожавшим своих противников, державшимся только связями с ЦК, его странно даже называть рядом. Они были по существу антиподами.

Он по-настоящему любил студентов и чувствовал себя в студенческой среде, как рыба в воде. Сохранились фотографии, где он снят в Летней психологической школе — палаточном городке на Черноморском побережье, куда он специально поехал на несколько дней, чтобы наговориться всласть со студентами о психологии. Полуголый декан смотрится на общем фоне совершенно естественно. Анекдоты о нем, ходившие по факультету, были добродушно-ироничными. Они интересны проскальзывающим в них — при явной симпатии к декану — чувством отчужденности, какой-то отстраненности Леонтьева от «нормальной» жизни

и «нормального» быта. Эта отстраненность у него была на самом деле, хотя никак не скажешь, что он был не от мира сего. Иногда возникало ощущение, что Алексей Николаевич не живет в нашей советской действительности с ее очередями, партсобраниями, ЖЭКа и ВАКами, а сознательно играет в эту жизнь по добровольно принятым им на себя правилам, а на самом деле он вне этой действительности. Старый профессор МГУ, знавший А.Н. Леонтьева, недавно обронил в разговоре с одним из нас: «Мало я знал людей, которые были так внутренне свободны, как Алексей Николаевич!»

Алексей Николаевич и в семье был немножко отчужденным. Он был последней инстанцией — к нему обращались, когда все другие способы воздействия или пути принятия решения были исчерпаны. Нам он прививал, во-первых, порядочность во всем, уважение к себе как к человеку и, во-вторых, особое отношение к труду. Если срочная работа — он садится и сидит весь вечер, всю ночь, не вставая, потом поспит пару часов и утром опять садится, весь день работает и где-то вечером на второй день завершает эту работу. Ответственность — в эпоху всеобщего ухода от ответственности. Он никогда ничего ни на кого не перекладывал. Он все решал сам. Ему был присущ абсолютный, стопроцентный самоконтроль, который проявлялся во всем — и в деловых отношениях, и в семье. Его никогда не видели более чем на одну секунду вышедшим из себя. Такого просто не было.

Видимо, он был крайне ранимым и глубоко эмоциональным. Такие люди наращивают на себе корку холодной рассудочности и сознательной регуляции, но под этой коркой все же чувствуется другое... Моторика у него была плавная. Он был нерезким, чуть-чуть замедлен-

ным, в нем ощущался все время внутренний план, какая-то отстраненность от происходящего, та «пауза», о которой говорили независимо друг от друга гениальный русскоязычный философ Мераб Мамардашвили и выдающийся американский психолог-экзистенциалист Ролло Мэй, пауза в потоке событий и действий, во время которой осуществляется сознание, понимание, осмысление, решение, пауза между стимулом и реакцией, делающая человека свободным.

Он был интравертом, по контрасту со своим близким другом Лурией. И была в его внешности и поведении какая-то особая артистичность, привлекавшая к нему сердца студенток. Особенно хороши у него были руки — с тонкими, длинными, аристократичными пальцами, про которые вспоминали все, кому довелось с ним общаться или слушать его выступления.

Алексей Николаевич прожил длинную и очень насыщенную жизнь, но, вероятно, не реализовался до конца. И поэтому в конце жизни не чувствовал себя счастливым и часто уходил в работу. Друзей у него было мало, главным образом товарищи по работе, которых он знал и любил с молодых лет, вроде Александра Владимировича Запорожца или Даниила Борисовича Эльконина.

...Он сломался как-то молниеносно, постарел за 2—3 месяца, последний — семьдесят шестой — год жизни провел в больницах. И умер, как говорится, в одночасье, легкой смертью — от разрыва аорты. Хорошие люди его любили. Подлецы и приспособленцы ненавидели. Но все без исключения уважали.

Он был очень хорошим человеком.

*А.А. Леонтьев,
Д.А. Леонтьев*